

Михаил Пселл

О стиле некоторых сочинений

Те, кто читает книги про Левкиппу, про Хариклию и иные услаждающие вещи, сочинения Филострата Лемносского и все написанное Лукианом ради веселой забавы, напоминают мне людей, которые строят дом и готовятся украшать его рисунками, камнями и прочими прелестями, не укрепив прежде основания, не вбив столпов, не возведя стен и не сложив кровли.

И многие находят, что поступающие так правы. Иные даже пробовали, по-моему, писать какие-то небольшие сочинения напыщенным слогом. У них с первой же буквы гремел гром и раздавался звон, и потому, как после блеснувшей молнии, все меркло. В кратких письмах и не очень длинных обращениях бывает годеи и такой слог, ибо тут нет запутанных изгибов речи, и невзыскательному слушателю приятна цветистая красочность. Но в сочинениях и там, где речь проходит через разные повороты и нужно показать силу творчества, эта красота медвяной речи мешает слушать. Ведь помимо услаждающей формы существуют иные. В одних частях рассуждения нужна сладость, в других - жесткость; иногда слог должен быть выпрепным, иногда совсем простым. Нужно то напрягать и сосредоточивать свой ум, то расслаблять его и успокаивать. Непростое это дело - умение точно употребить слово. Тут совсем не то, что при посвящениях в таинства. Там начинают с первых посвящений и кропильниц, а потом уже подходят к святыне; прежде несут факел, а уже потом священнодействуют. Тут, напротив, кто хочет стать совершенным знатоком словесных тонкостей, пусть сначала устроит улей, а затем уже ищет цветы.

Я ведь тоже начинал так и брался за книги, в которых находил и росу, и душистую смолу, и цветы. Но я не обрел в себе сил для проворного бега к цели моего труда и осекался на первом же прыжке. И тут я свернул на другую дорогу, лучшую и вернейшую. Покинув Харит, я перенес свои заботы на муз, воздавая почтение каждой из них - и той, которой подчинена прозаическая речь, и самой Каллиоппе. Теперь я выбрал себе книги Демосфена, Исократы, Аристиды и Фукидида. К этому списку прибавлял я и платоновские диалоги, и все сочинения Плутарха, и то, что сохранилось от Лисия и от нашего богослова Григория, который для меня стоит выше всех по своему уму и красоте.

У Демосфена я взял то, что пригодно любому делу, и научился, как лучше строить речь. У Исократы - точности выражений, древнему изяществу и чистоте речи, у Аристиды - той мощи, которая приносит наслаждение, правильности эпихерем, умению обращаться с многочисленными энтимемами и словесными приемами. У Фукидида - тому, как вводить новшества в язык, напрягать мысль. Я находил у него не красоту, а рассудительность, правильное соединение слов и умение по-разному выражать свои мысли. Соединение же всех прелестей, всех поворотов мысли и всех ее звучаний я нашел, по-моему, у Плутарха. Я наслаждался и простотой его рассказа, и умением на разные лады выражать свою мысль. Искусство Лисия выручало меня в любом случае. Но больше всех помогала мне наша муза богословия, сладостная лира и громогласная труба.

Если в моем сочинении я хотел говорить прикровенно, намеками, то этому научили меня речи Фукидида. Если нужны были искусственные приемы, чтобы построить речь, то образцом мне служило демосфеновское искусство. Слог же Исократы удовлетворял меня тогда, когда приходилось разъяснять предмет точно, не впадая в противоречие и не изменяя смысла. Платон же божествен, но ему подражать невозможно. Кажется, что к его ясности легко приблизиться, на самом же деле это крутая вершина, на которую трудно взойти. Те, кто сравнивают его с сочинениями Лисия и Фукидида, и хотят, чтобы он писал, как они, эти люди, нахожу я, напрасно читали Платона.

Если бы не было Григория, сильного в добродетели и в слове, то, сравнивая Платона со всеми философами и риториками, я бы признал его слог несравненным.

После долгого общения с этими мужами, мне, чтобы придать великолепие своей речи, понадобилась и приятность слога. Вот тогда-то я, для полного украшения, взял повести и о Хариклии, и о Левкиппе, и все подобные им книги, какие только существуют. Про себя скажу, что из каждой я выбирал для себя хорошие свойства. В свою речь я вводил украшения отовсюду, и взятое из разных мест сливается в ней в единый образ. Я, один, впитал в себя многих. Если же станут читать мои книги, то один превратится во многих.

***